

— Этой милой дырочке, кажется, нравится так подрагивать.

Яну заговорил, нежно поглаживая указательным пальцем самый кончик. Эйра и сам видел, как из крошечного отверстия на головке толчками выступает прозрачная влага. Внезапный озноб пробежал по позвоночнику; он попытался вырвать запястья, но добился лишь того, что хватка стала болезненно крепче. Казалось, Яну во что бы то ни стало вознамерился вырвать из уст Эйры признание, что тому приятно.

Яну продолжал ласкать и дразнить розовую плоть, пока та окончательно не затвердела, а затем скользнул рукой ниже, между бедер. С трудом, словно намеренно преодолевая тесноту прижатых друг к другу тел, он выпростал собственное достоинство.

Увидев его, Эйра широко распахнул глаза. До этого момента он никогда не считал себя обделённым: длина и обхват были вполне достойными, да и форма, как он втайне полагал, была весьма эстетичной. Но стоило их органам оказаться рядом, как его собственный на фоне чужого показался едва ли не крошечным...

Возможно, виной тому были алые волосы и глаза, но даже плоть Яну отливала каким-то зловещим багровым цветом. Это сложно было назвать частью человеческого тела — скорее, это походило на грозное оружие, какую-нибудь дубину. От самого основания, удерживающего этот исполинский ствол, раздулись синеватые вены, а массивная, яростно-красная головка, которая была даже шире самого ствола, довершала это внушительное зрелище.

Эйра невольно попытался отпрянуть, но запястья всё ещё оставались в плену.

— Ну же.

Яну слегка откинул голову и, прикрыв красные глаза, выдохнул горячий воздух. Перехватив свой член рукой, он без тени смущения начал методично двигать кожей.

Это зрелище напоминало кадр из дорогого порнофильма. На фоне рельефного, словно высеченного из камня пресса мерно подрагивала тяжелая плоть. Яну двигал рукой так интенсивно, что слышались влажные шлепки, и время от времени намеренно задевал своим стволом орган Эйры. Он низко, гортанно рычал и стонал, неприкрыто выставляя напоказ свою страсть.

Каждый раз, когда плоть Яну вздрагивала и дразняще терлась о его собственную, нить рассудка Эйры истончалась. Гордость бесследно исчезла, уступив место томительной жажде наслаждения. Глядя на то, как партнер убаживает себя, Эйра уже представлял, как сам вкладывает свое достоинство в его ладонь, изнывая от нетерпения.

— Х-а-а...

Сквозь припухшие губы вырвался едва слышный жалобный стон. Терзаемый неутоленным желанием, Эйра, наконец, сдался.

— Приятно... мне приятно, так что скорее...

Яну наверняка его услышал, но лишь прищурил свои алые глаза, словно наслаждаясь мольбой. Эйра нетерпеливо притопнул ногой, отчего его свободная обувь издала глухой звук. Он раз за разом порывисто вздыхал; последние крохи гордости и остатки протеста мешали словам сорваться с языка, но Яну, казалось, ждал его полного краха.

Несколько раз закусив губу, Эйра наконец позвал его едва слышным, полным тревоги голосом: «Яну». Тело его окончательно обмякло. Он уткнулся лбом в широкую грудь Яну, а затем, взглянув на него снизу вверх, снова и снова звал по имени:

— Яну...

Услышав этот странно тягучий голос, мужчина дрогнул бровью. Его мощная грудная клетка тяжело вздымалась, и, наконец, он выпустил запястья Эйры.

— А-а, ах!

Когда большая и горячая ладонь резко обхватила его член, Эйра вздрогнул всем телом. После долгого и мучительного ожидания грубые, уверенные движения чужой руки принесли невыразимо сладкое облегчение.

— Ну как, нравится?

Пока Эйра до боли закусывал невольно приоткрытые губы, Яну обхватил оба их члена одной рукой. Ощущение того, как головки и стволы одновременно сминаются и трутся друг о друга в этой раскаленной ладони, было до дрожи приятным. Поясница Эйры словно плавилась.

— Ах, а-ах! Да... хорошо, м-м-м, как хорошо...

Потеряв остатки самообладания, Эйра, тяжело дыша, прижался к партнеру. Он не знал, куда деться, терся щекой о его грудь, пока в памяти не всплыл их недавний упоительный поцелуй. Терять было уже нечего, и он, обвив шею Яну руками, притянул его к себе. Эйра без тени сомнения покусывал и сосал его губы, медленно моргая затуманенными от наслаждения серыми глазами, вглядываясь в два прекрасных алых рубина напротив.

— М-м, так сильно нравится?

Яну коротко усмехнулся; из-за того, что его губы всё ещё были в плену у Эйры, улыбка вышла

искаженной. В тот миг, когда зрачки в его ярких красных глазах сузились, Эйра оказался прижат к земле. На голой почве лежал лишь один плащ, и холод начал пробираться под кожу, но сейчас ему было не до этого.

Нависнув над Эйрой, Яну пришел в движение. Эйре показалось, что алый цвет его глаз стал еще более насыщенным, как вдруг его тело резко дернулось вверх. Огромная, пугающая плоть с силой ткнулась прямо в промежность, вызывая тупую боль.

— Ац... больно!

Это было похоже на удар между ног, и Эйра попытался оттолкнуть мужчину. Разумеется, тот не сдвинулся ни на миллиметр.

— Хе-хе — Яну рассмеялся, словно окончательно лишившись рассудка, и снова начал ритмично вбиваться бедрами. Толстый, похожий на дубину орган с силой проезжался от промежности вверх по складке между ног или скользил вниз, под самые ягодицы.

— Ха-а... до смерти хочу войти в тебя.

Когда массивная головка начала неприкрыто настойчиво тереться между ягодиц, возбуждение Эйры вмиг улетучилось. Не в спальне, а на улице, в такой ситуации... и он собирается впихнуть в него это «оружие»? Эйра отчаянно затряс головой.

— Нет, а-ах, нет... не надо...

— О-о-о, если я вставлю сюда... здесь так тесно...

Размазывая выступившую смазку, Яну прижимал свой возбужденный орган к его телу. Казалось, он вот-вот прорвется внутрь.

— Это будет в сто раз лучше, чем просто тереться, а?

Эйра продолжал качать головой в знак отказа, глядя на него полными тревоги глазами. Яну долго всматривался в этот взгляд, а затем его губы изогнулись в кривой ухмылке. В его взоре читалось то ли легкое раздражение, то ли снисходительное великодушие.

Вскоре он снова сместил свое «оружие», которое до этого терзало вход, чуть выше. Одной рукой он сжимал и тряс орган Эйры с почти болезненной силой, а другой — прижимал свою плоть к его белому плоскому животу.

— ...Х-а-а, ах, м-м-м!

Эйра выгнулся всем телом, издав приглушенный стон. Перед глазами, в затуманенном взоре, посыпались белые искры. Яну втиснул свой член в пространство между напряженным прессом Эйры и своей ладонью и начал двигаться. Его массивный ствол совершал возвратно-поступательные движения от лобка до самой нижней части живота. Мужчина оскалился в торжествующей улыбке.

Это пугающее достоинство вжималось в живот Эйры до боли, его головка уже почти достигла пупка. Яну целовал его в тяжело дышащие губы, в щеки. Когда Эйра отвернул голову, мужчина прижался губами к его обнаженному уху и прошептал:

— В следующий раз я обязательно войду внутрь и проложу себе путь.

— М-м, нет...

Эйра снова слабо затряс головой, но Яну, словно издеваясь, еще сильнее напряг свой член, вдавливая его в живот и как бы «чертя» ту самую дорогу. Лицо Эйры побледнело от того, насколько длинным казался этот путь, но Яну лишь весело повторил:

— Запомни хорошенько. Отсюда... ох... и досюда.

Затем он чувствительно прикусил его ухо. От этого голоса, от ощущения горячего языка, исследующего ушную раковину, Эйру прошиб озноб от макушки до пят. Нахлынувшая волна наслаждения заставила его тело содрогнуться, и он достиг пика прямо в горячей руке Яну.

Движения Яну стали еще более яростными. С силой вбиваясь в его живот, он, наконец, словно атакуя, ткнулся головкой прямо в пупок. Тотчас же обильное количество белого семени излилось наружу, скапливаясь в ямке пупка. Но Яну этого было мало: он продолжал растирать еще багровую головку о живот, размазывая семя до самого паха, после чего довольно ухмыльнулся.

Покачиваясь на волнах послевкусия оргазма, Эйра затуманенным взором наблюдал за этими действиями, а затем бессильно обмяк, тяжело хватая ртом воздух. То, что происходило с Яну, оказалось приятнее, чем он мог себе представить. Приятнее, но... Он поднял слабую руку, прикрывая глаза, и тяжело вздохнул. Холод начал медленно подбираться к телу.

Его не покидало странное, зловещее чувство, что он влип по-крупному.

□

— У-ух...

«Не для этого же я магию учил». С гримасой отвращения Эйра с помощью заклинания очистил тело от следов их близости. Ладно еще лицо или грудь, но зачем этот извращенец кончил в

такое странное место... На лбу сама собой пролегла морщинка.

Приведя себя в порядок, Эйра обернулся к Яну и вздрогнул. Этот безумец загребал горсти снега руками и, словно мочалкой, грубо растирал ими свое тело. Тающий снег превращался в воду и стекал по его мускулистому торсу. Эйре стало холодно от одного взгляда на это, и он поспешил магией убрать влагу с его кожи. Яну тут же широко улыбнулся и раскрыл объятия.

— Холодно? Хочешь, обниму?

— Нет! Я одеваюсь.

На этот раз Яну не препятствовал. Эйра, окончательно избавившись от влаги, поёжился и натянул остывшую одежду. Переобувшись в свои сапоги, он обернулся с обувью Яну в руках и увидел, что тот стоит босиком на мерзлой земле и пытается влезть в мокрую одежду.

— Ох!

«Этот человек и правда живет как придется...»

«Нет! Мне самому холодно на это смотреть!» Не выдержав, Эйра удалил воду и с одежды Яну.

Когда Яну поднялся, лошади, до этого мирно лежавшие на боку, тоже встали. Только сейчас Эйра, который был слишком увлечен Яну, осознал, что животные всё это время наблюдали за ними. Хотя это были всего лишь бессловесные твари, он невольно отвел взгляд.

— Ну что, выдвигаемся?

— Нет, давай отдохнем минут десять...

Бессильно ответил Эйра и, расстелив плащ, опустился на него. Хотя он всего лишь дошел до финала от чужой руки, сил было потрачено неимоверно много. Сказалось и то, что его магические резервы истощились после борьбы со снежным обвалом.

Он по крупичам собрал остатки маны, достал из подпространства кресало и охапку дров, и развел костер. Грея руки над ярким пламенем, он мельком взглянул на ледяной свод иглу. «Не растает ли?» Как только тело согрелось, он внезапно почувствовал дикий голод.